

ФІЛОСОФІЯ

УДК 130.2:141.201

DOI: <https://doi.org/10.21564/2663-5704.51.241801>

Мелякова Юлия Васильевна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина
e-mail: melyak770828@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0200-1141

Жданенко Светлана Борисовна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина
e-mail: svetlana.zdanenko@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6276-8275

Кальницкий Эдуард Анатольевич, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина
e-mail: kalnitsky@ukr.net
ORCID ID: 0000-0002-1777-9992

ОТ БИОПОЛИТИКИ К ПРЕКАРНОСТИ КОММОДИФИЦИРОВАННЫХ ТЕЛ, ИЛИ АПОГЕЙ ПЕРФОРМАНСА

Статья представляет собой философское исследование социального, политического, правового, трудового, культурного и антропологического статуса человека в современных условиях информатизации, экономического либерализма, ограни-

ченной занятости, постдемократии, визуальной культуры и пандемии. Рост прекариата расценивается как катализатор движения встречных векторов: деятельности власти и перформативного акционизма политических субъектов. В качестве оптимальной интегративной тактики человека позднего капитализма рассматривается его телесная и духовная самоэксплуатация.

Ключевые слова: биополитика, неолиберализм, тело, перформативность, прекарность, самопредпринимательство, коммодификация.

Постановка проблемы. На фоне современных кризисных событий либеральной эпохи и бурной реализации биополитики наблюдаются проблематизация гуманистической ценности человеческого тела, рост уязвимости и ущербности социального субъекта, эволюция труда и, наконец, актуализация самопредпринимательства агента глобального рынка, выступающего в качестве основного ресурса для самоэксплуатации. Самосохранение, дистанционная самореализация и доминирование коммерческого типа связей вынуждают современного человека активизироваться в перформативных практиках позиционирования себя, поскольку биологическое тело, четко отделившееся от нарратива и вербального дискурса телесности, требует значительно больших затрат, прав и возможностей, чем виртуальный способ бытия.

Анализ последних исследований и публикаций. Основой для данного исследования послужили работы многих, в основном зарубежных, авторов, занимающихся проблемами функционирования общества, власти, рынка труда, политической системы, культуры, медицины, а также места человека в современной реальности и его перспектив. Ключевая идея перформативного существования и самообеспечения человека в «рыночной» среде прогрессивного капиталистического мира распадается на целый ряд составляющих ее проблем из разных областей жизни человечества.

Так, биополитический ракурс человеческого тела на социальной арене дается благодаря концепции власти М. Фуко, а также опыту многих современных ученых, давших ей применение и дальнейшее развитие в своих работах; среди них П. Г. Пикасо, М. Ханиф, М. Мададизаде, С. Переслегин, а также С. Жижек, выстроивший самостоятельную коммунитаристскую концепцию солидарности на фоне пандемии коронавируса.

Принцип перформативности современной культуры получает свое обоснование, в частности, на концепции политического перформативного акционизма американской исследовательницы Дж. Батлер, также уделившей внимание феномену прекарности в контексте перформативизма. Сущность и роль прекариата проблематизируют также многие европейские и отечественные ученые: Г. Стендинг, О. Реболедо, Дж. Гринштейн, Р. Мунк, Р. Милкман, Ф. Арипова, Дж. Джонсон, А. Холмберг, А. Алвиниус, С. Хенкин.

Трансгуманистическая идея телесной автономии и самодостаточности человека получает свое продолжение в теории антропологической самоэксплуатации и коммодификации. В данной статье теория представлена работами А. Горца, А. Музио, А. Виллара, Е. Щекотина, А. Барышева, В. Кашпура. Свою роль в исследовании играет концепция репрезентативности визуальной культуры Г. Э. Дебора. Эволюция феномена «человек-вещь» прослеживается от структуралистского дискурса Р. Барта о чистой пассивности.

Формулировка цели. Развитие концепта тела как биополитической реальности, в фукольдианском смысле, до статуса человеческого капитала и предпринимательского ресурса, активизированного в области саморекламы и самосбыта посредством перформативных стратегий.

Теоретико-методологические основы. Исследование осуществляется на стыке политических теорий, экономических концепций и философских подходов к проблемам человека, власти и социальной реальности. Философский дискурс протекает в области антропологии, онтологии и социальной философии в рамках парадигмы метамодерна. Для выстраивания авторской позиции в ходе тематического исследования применены герменевтический, феноменологический и синергетический философские методы, а также философский метод деконструкции применительно к понятию «человек», развернутому в диапазоне от личности до тела, от нарратива до действия как способа самореализации. Используются теоретические методы анализа, синтеза, дедукции, аналогии, формализации. Характеристика современного способа бытия человека в социальной, правовой, политической и экономической реальностях дается на принципах динамизма, симулятивности, телесности, коммодификации, перформативности и трансгуманистичности.

Изложение основного материала.

Тело в аспекте перформативности. Некоторые актуальные проблемы теории власти, капитала, занятости, прав человека, а также философии общества, философской антропологии и онтологии обнаруживают общую точку своего пересечения в плоскости биополитической проблематики тела и телесности, в контексте концепции перформативности и действия.

Целесообразно начать теоретические построения с акцента на перформативности. Интересно, что «перформатив» в классическом остиновском смысле означал речевые акты, высказывания, равноценные поступку (клятвы, обещания, приказы и т. п.); в то время как термины «перформативность», «перформативные практики» употребляются сегодня в значении абсолютно действия, очищенного от речи, языка, текста, каких-то нарративных признаков, и ведут свое происхождение от «перформанса» в значении действия, представления, спектакля, визуального акта.

Ета перезагрузка термина произошла в контексте теории искусства и культуры постпостмодернизма, исследований кинематографа, театра и телешоу с помощью привлечения концепции Дж. Батлер [1] о перформативном характере гендера, а также некоторых интуиций Э. Фишер-Лихте [2] относительно природы перформативного. Так, теория перформативности и действия предстала в качестве одного из ключевых концептов современной «визуальной культуры», повсеместное господство которой констатируют теоретики.

Одной из сущностных особенностей метамодерна как актуальной парадигмы и методологической модели является стремление избавиться от феерии речевых игр постмодернизма, увлекавшей в свое гиперпространство насквозь синтетической, иллюзорной грамматики и дискурсивности. Перформанс сегодня играет роль ведущей онтологической, эпистемологической, герменевтической и антропологической категории, одного из ключевых концептов постнеклассической философской и научной методологии, а также ведущей прогрессивной техники в искусстве. Современный субъект позиционирует себя не посредством языка, но посредством присутствия тела, его действия или бездействия. Речевые акты замещены физическими актами самовыражения. Знаки репрезентируются не в тексте, а в визуальном перформансе [3, с. 43, 47].

В неоматериализме биологическое тело стало объектом повышенного исследовательского интереса, наравне с феноменом толпы, собрания, гендеризма, акционизма, перформанса, флешмоба и различных телесных практик. Эта тенденция коррелирует с актуальной теорией трансгуманизма, биополитики и бурным развитием соматических прав. Концепт *тела* получил свое развитие в современных концепциях перформативной субъективности, агентного реализма, различного рода прекарности индивидов. Перформативные акты становятся способом телесной коммуникации, проявления индивидуальности агентов, создания глобального измерения перформативного множества различного рода ситуативных, отраслевых, коммерческих и потребительских альянсов по типу коворкингов, нетворкингов, воркшопов, хабов или творческих инкубаторов как креативных зон самовыражения и самогенерирования участвующих в них агентов.

Новым «языком» искусства действия, а также политики, гражданской и правовой активности, торговли, трудовой деятельности становится предельно натурализованная семиотика – аутентичный язык тела. При этом тело отделяется от символической речи, нарратива, мифа, семантики и является самостоятельным средством выражения. Вещи, тела, жесты, ситуации, события «говорят» сами за себя, лишены сопроводительного комментария автора, мифологического смыслового контекста. Это следует расценивать как закономерную реакцию на чрезмерную виртуализацию и приоритет телесно-

сти в повседневной реальности, что привело к поспешной реанимации натуральности и подлинности во всех сферах жизни, невзирая на очевидную неполноценность этой самой природы.

Яркими примерами отказа от симуляции, актуализации аутентичности и возрождения тела являются популярное творчество современных художников в жанре хеппенинг, реди-мейд, энвайронмент, ассамбляж, инсталляция, акция или перформанс, то есть искусство действия; а также аматорские практики самовыражения и коммуникации, популярные в социальных сетях, видеохостинге и имеющие форму месседжей, лайфхаков, челленджей, в том числе публичные акты социально-правового и политического характера в виде флешмобов, смартмобов, социомобов, политмобов, демонстраций и монстраций [3, с. 48–54]. Итак, высокая социальная значимость перформативных практик, а также эффективность их инструментальной, развивающей, методологической функций позволяет говорить об их правовом, политическом, культурном и моральном смысле.

Тело как биополитическая реальность. Далее к вопросу о том, насколько перформативные практики присутствия взаимосвязаны с современными стратегиями биополитики в том значении, которое вкладывал в это слово М. Фуко [4]. Исходя из биополитических принципов отношений человека с властью, утвердившихся в Европе в последние триста с лишним лет, ключевым вопросом либеральных режимов, согласно М. Фуко, является вопрос эффективности государства по отношению к своим гражданам. Власть призвана создавать условия для удовлетворения и богатства каждого отдельного индивида, легитимирующего ее. При этом индивид – полностью автономное существо, эгоистические интересы которого направлены на максимизацию собственной полезности, благосостояния и удовольствия. Так, приоритет утилитарных субъективных прав и ценностей позволяет биовласти управлять подданными как чисто биологическими организмами, первое место в аксиологической иерархии которых занимает их тело («политика чистой жизни»).

Речь о том, что «зарождение биополитики» было ознаменовано началом контроля власти над человеком не только и не столько через сознание, но через тело и в теле: «тело – биополитическая реальность», «медицина – биополитическая стратегия» [4]. В регистре либерального дискурса М. Фуко сопоставляет две противоположности – субъекта права и субъекта интереса, которые соотносятся аналогично договору и рынку. Они отличны по своей форме дискурса: формой юридическо-философского дискурса субъекта права является диалектика, в то время как формой историко-политического дискурса субъекта интереса является механика. Механика – экономическая по своему характеру тактика субъективной активности, непосредственно умножающая, эгоистическая, ничего не трансцендирующая. Однако, по мнению

М. Фуко, именно экономическая механика субъекта неолиберального общества наилучшим образом способствует становлению его отношений с властью через стратегию сопротивления. Рынок становится «местом юрисдикции» и «местом дистрибутивной справедливости», в котором власть поднимается снизу [4]. Так, будучи марксистом, нигилистом, технократом, неизменно тяготеющим к левому крылу, М. Фуко, тем не менее, оценил политическую пользу неолиберализма.

Огромное количество современных ученых продолжают систематически обращаться к опыту французского философа в области его биополитики, находя все новые и новые обоснования концепции власти. К числу таких ученых относился испанский профессор П. Г. Пикасо, анализирувавший проявления биополитики мировой системы и ее «патологические дрифты», исходя из основных аспектов современного мира, среди которых радикальный рост планетарной демографии, увеличение внутренних и внешних перемещений населения, миграция с последующими массовыми волнениями в обществах, связанными с петициями о проживании, гражданстве, убежище и правами беженцев, а также другие международные проблемы, связанные с основным телесным реципиентом биовласти – народонаселением [5].

Иранские авторы М. Ханиф и М. Мададизаде обращаются к теории биовласти М. Фуко для объяснения проблем колониальных и постколониальных обществ, в частности индийского. По мнению ученых, биовласть направлена на организацию отношений между расами и этносами, для массивификации человека как члена вида, а не гражданского общества. В биополитической стратегии на первый план выступают натуралистические, материальные, видовые потребности человека [6].

Постиндустриальная эпоха позволила человеку удовлетворять свою биологическую потребность в наслаждении и комфорте, расширении возможностей памяти, зрения, мышления, в выносливости и долголетьи посредством цифрового контента, то есть посредством виртуального отношения сознание – мир. Сознание симулирует новое «тело» с его приумноженными возможностями – ощущающую и понимающую телесность – виртуального субъекта в его самоиллюзии полноценной и эффективной жизни. При этом когнитивный капитализм и цифровой метамодерн, усугубленные коронакризисом, принудительным социально-экономическим локдауном и изоляцией тела, провозгласили острый дефицит реальности, природности, естественности, маркировали живое общение как роскошь и прерогативу элиты, а онлайн-взаимодействие как удел бедных.

Сейчас медико-фармакологический комплекс, занявший главенствующую позицию, будет делать ровно то же самое, что всегда делал военно-промышленный. Существуют даже прогнозы установления *солидаризма* – режима

«медицинского фашизма», очень близкого к традиционной диктатуре и характеризующегося отсутствием реальной демократии и довольно жесткой незыблемостью власти, которая будет управлять массами через IT-технологии. Фактически постконституционный мир, в котором мы уже живем в отсутствие реальной демократии, есть шаг на пути к так называемому «шестому технологическому укладу», в котором будет господствовать ИИ. Его значимую часть составит *вирт*, где можно будет создавать рабочие места, вести коммуникацию, осуществлять управление, образование, развлечения – эдакая эра победившего киберпанка и биопанка [7].

Несмотря на то, что идея диктаторского солидаризма страдает левизной, известный коммунитарист С. Жижек ее не разделяет и в связи с пандемическими событиями проникается куда более прямой и однозначной концепцией солидарности, которую представляет в своей книге «Пандемика!: COVID-19 потрясает мир» [8]. По мнению словенского философа, глобальный капитализм приближается к кризису и только радикальные изменения могут спасти наши либеральные ценности.

Пандемия коронавируса спровоцировала в том числе распространение эпидемии идеологических вирусов, фальшивых новостей, вспышек расизма, конспирологизма, или параноидальных теорий заговора. С. Жижек надеется, что коронакризис поспособствует распространению более полезного идеологического «вируса мышления об альтернативном обществе» в форме глобальной солидарности и сотрудничества [8]. Речь идет о новом коммунизме, основанном на доверии к людям и науке. Философ формулирует исторически устойчивый паттерн: глобальная угроза порождает глобальную солидарность. То есть, согласно С. Жижеку, коронакризис, подобно фильтру, выявил все существующие патологии современного общества, все минусы либеральной демократии и указал путь к альтернативным ценностям, которыми являются коммунистические. Таким образом, коронакризис – это путь к коммунизму. Причем прогноз С. Жижека сводится к наднациональному солидарному обществу с центрами глобальной координации [8].

Однако такая идея кажется несвойственной для С. Жижека как сторонника левых взглядов. Кроме того, повседневная тактика самоизоляции, карантина и сокращения контактов среди населения прямо противоречит идее коммуны, всемирной солидарности и коллективной ответственности. К тому же угроза глобальных проблем человечества, как экологического, так и техногенного характера, отнюдь не нова и, несмотря на все усилия в сфере их глобальной координации, до сих пор не смогла сплотить мировое сообщество и политические ресурсы в едином порыве идеологического взаимопонимания и сотрудничества. Сама стратегия глобализации, ныне теряющая свою силу, была детищем именно либерализма, а не левых сил. Поэтому вряд ли коро-

накризису и «медицинской войне» удастся сыграть роль катализатора мировой победы коммунизма.

Политическое значение перформативного акционизма. Поддавшись философскому крену в биополитику, перейдем от физиологического значения *тела* в теории власти к перформативной его роли в политике. Для этого обратимся к теории перформативного политического акционизма Дж. Батлер [9]. Американская философ расценивает перформативность как новую онтологию, согласно которой реальность не является ни природно, ни социально детерминированной, она перформатируется, определенным образом воспроизводится самими агентами. Человеческое тело есть изначально перформативным. Оно бесконечно пребывает внутри перформативного действия. Соответственно, через действия люди представлены в исторических событиях, политических состояниях, социальных реакциях. Ключевой характеристикой тела, особенно на политической арене, у Дж. Батлер выступает уязвимость [10, с. 98–100].

Диктатура власти всегда остро и болезненно отражается на свободе тел, соответственно, и тела со своей стороны прибегают к отчаянной ответной реакции в форме перформативных практик. Так, жесткие централизованные карантинные меры, локдауны, требования самоизоляции, запрет собраний, сборов, живой коммуникации могут быть расценены как вмешательство государства в сферу личных прав человека. Не вызывает сомнения, что ограничение присутствия, физической активности, публичного позиционирования себя, своей воли, своих потребностей способствуют убежденности людей в своей неполноценности, побуждают их к компенсации телесной недостаточности путем всевозможных визуальных заявлений о себе. Жесткая фрагментация и локализация субъектов ведет к параличу их политической воли, размыванию гражданской позиции, этическому безразличию, аморфности, эгоистичности. Перформатив – это попытка возмещения ущербного, ограниченного онлайн-существования в неблагоприятных условиях цифровой среды в целом и карантина в частности. Так, исключительно виртуально-телесная самореализация, доминирующая в последнее время, косвенно вынуждает уязвимого человека искать перформативные формы самовыражения, самозащиты и самосохранения в суровых условиях позднего капитализма.

По мнению Дж. Батлер, собрание тел как таковое предшествует акту высказывания и само по себе есть активированием народной воли. «Мы», провозглашенное телами, жестами, движениями, действиями, мимикой и головами, в разы «громче» заявленной в дискурсе позиции. Иногда «народ» воздействует даже своим коллективным молчанием или иронией [9]. Современные популярные перформативные практики сводятся к созданию ситуа-

тивних альянсов, часто бессловесно-телесного характера (инсталляции, флешмобы, монстрации), – это огромное «тело», которое не только коллективизирует, но и организует людей, к нему причастных. По сути, новая политичность устанавливается благодаря перформативности в формате телесности. Хотя стоит отметить позитивный эффект даже медийных и сетевых перформансов, адресно решающих те или иные социальные проблемы. Так, американские ученые Ф. Арипова и Дж. Джонсон, изучающие постсоветские общества, дают в российском журнале положительную оценку виртуальному активизму на примере феминистского украинско-российского флешмоба 2016 г., запущенного украинским активистом в Facebook и посвященного проблеме сексуального насилия [11]. Флешмоб привел к появлению более десяти тысяч оригинальных постов; противостоял стигме, связанной с темой сексуального насилия; привлек внимание СМИ, правозащитников и власти; имел конкретные результаты (были возбуждены уголовные дела против ряда лиц), то есть определенно способствовал прогрессивным изменениям.

В насквозь заполитизированной реальности проявление воли индивида – это всегда противостояние власти. Субъективная воля либо воля массы, особенно выраженная в действии, есть оформленный протест, пусть даже молчаливый. Традиционная политичность имела форму дискурса, что и составляло суть демократии («каждый имеет право быть услышанным!»). Отделение высказывания от акции, а голоса от тела свидетельствует об изменении характера публичности в сфере отстаивания личных прав, а также об этапе *постдемократии*, на котором равенство понимается не как равенство голосов, но как равенство предъявленных тел, имеющих претензии к власти и возможность удовлетворения этих претензий (поскольку сам по себе голос уже ничего не гарантирует и не свидетельствует о свободе). Согласно Дж. Батлер, политическое высказывание – это действие [9].

Перформатив – тактика позиционирования прекариата. Всё большее число независимых друг от друга людей, охваченных острым чувством недостатка прав, благ и суверенности собственной жизни, выходят на улицы для создания ситуативных альянсов: от флешмобов до коворкингов и акций протеста. Всё это – следствие хрупкости, уязвимости и незащищенности социальных агентов – *прекариата*. Сегодня вместо единого класса или монолитного коллектива есть множество разрозненных людей, в определенной степени лишенных всей полноты своих прав. Концепт прекарности сегодня несет невероятно широкое содержание и ассортимент носителей его свойств: от безработных, бедняков, мигрантов, беженцев, инвалидов, неграждан, кви-ров и трансгендеров до жертв военных действий, бытового насилия, деспотии власти, террора полиции, экономического мошенничества, расовой, национальной или религиозной дискриминации.

Так, О. Реболедо, современный ученый из Чили, рассматривает местный прекариат как новый класс, сформировавшийся вследствие неолиберальной экономической модели и появления особого типа трудовых отношений [12]. Исследователь Дж. Гринштейн из США применяет классовую схему прекариата, разработанную Г. Стендингом [13], к изучению трудовых сил в Америке за последние сорок лет [14]. Главный социальный разрыв, по мнению Дж. Гринштейна, пролегает между теми, кто имеет качественную работу и теми, кто ее лишен. Классовая структура прекарности объясняет растущее неравенство доходов и жизни в американском обществе. К тому же, автор отмечает демографический облик современного прекариата, существенно отличающийся от старого рабочего класса по признаку расы и пола [14].

Аргентинский социолог Р. Мунк, в свою очередь, даже предлагает альтернативный подход к организации труда, противоречащий легализации, который будет сосредоточен на структурах, подобных профсоюзам и разрабатывающих социальную стратегию движения прекариата [15]. В то же время американская профессор социологии Р. Милкман причисляет к «новому прекариату» в США, в частности, рабочих иностранного происхождения, то есть иммигрантов [16]. По ее мнению, гнев рабочих, родившихся в Америке, как и политика правых популистов, трагически неверно направлен на иностранных рабочих. Дело в том, что на сегодняшний день основной мерой по сокращению безработицы со стороны правительства является увеличение числа работников с неполной занятостью, что и влечет рост прекариата. Дискурс же об иммигрантской угрозе и восстановлении американской мечты спровоцирован самой политической элитой США, искусственно культивирующей идею неравенства.

Российский исследователь С. Хенкин, обращаясь к проблеме массовых протестов в сегодняшней Испании, называет их инициатором именно прекариат, заметно выросший на фоне финансового кризиса и усиления социального неравенства в Испании [17]. Несостоятельность, нестабильность и отсутствие гарантий занятости склоняют прекариев к глубокому недоверию политическим институтам и власти как таковой. Их реакция на политику варьируется от абсолютной апатии до активного участия в движениях протеста. Тем не менее влияние прекариата на правящую элиту несущественно, поскольку хаотично, спонтанно, лишено вертикальной структуры, организованности и лидерского руководства.

Шведские авторы А. Холмберг и А. Алвиниус говорят о новом «климатическом прекариате» – детях [18]. Так они концептуализируют уязвимость детей в условиях климатического кризиса. Дети больше всех страдают от потери стабильного будущего в результате патологических изменений климата. Достаточно часто в современном теоретическом контексте употребляются термины «этнический прекариат», «расовый прекариат», «квир-прекариат»

и т. п. Таким образом, понятие «прекарность» в научном дискурсе сегодня приобрело достаточно общее значение, став символом уязвимости.

Прекарность можно назвать не только особым статусом человека, но и сопровождающим его ощущением ненужности, ущербности, униженности, исключенности, неприкаянности, а также специфическим способом вовлеченности в политическую или иную сферу, или, точнее, выключенности из нее. При этом прекариат не образует самостоятельного политического субъекта, таковым становятся его собрания – перформативы – могучий правовой телесный потенциал, несущий позитивную политическую энергию. Прекарии создают новый тип субъектности путем инициирования гибких целевых сообществ, или альянсов, коммерческого или правового характера, объединенных единой целью, пространством и телесностью. Совершенно очевидно, что локальное пребывание человека в конкретном топографическом месте в качестве тела имеет куда больший политический эффект, нежели глобальное симулятивное его присутствие в медийном пространстве, где он также вправе заявить о себе. Забвение тела таит опасность его бесправия и гибели. Поэтому спонтанные целевые собрания субъектов – телесные перформансы – есть новая модель социального единства, новый формат правосубъектности, в основу которых положены универсальные общечеловеческие натуральные потребности, а не идейная солидарность.

Самопредпринимательство субъекта позднего капитализма: жизнь на рынке. Феномен телесности находит сегодня свое продолжение во многих актуальных концепциях, среди которых не только перформативность и антропология прекарности, но также проблематика *самоэксплуатации* и *самопредпринимательства* в рамках общей теории коммодификации человеческого тела. Современный капитализм давно перешел от эксплуатации к самоэксплуатации, к появлению людей-фирм, активность которых сведена к тому, чтобы выжать, извлечь из себя, своей жизни, тела, разума, времени еще как можно больше прибыли. Это обратная сторона стремления к совершенству, успеху, благополучию, удовольствию.

Модель общественных отношений и подчинения власти существенно изменилась. Личность прекращает подчиняться внешнему принуждению. Она превращается в собственного производителя, работодателя и продавца, тем самым принимая на себя функцию принуждения, необходимого для выживания и конкурентоспособности предприятия, которым является. Проявления такой коммерциализации и продуктивности тела особенно выразительны в видеоблогерстве, модельном бизнесе, спорте, шоу-бизнесе, киноиндустрии, косметологическом сервисе, донорстве, суррогатном материнстве. Развитость самоэксплуатации сегодня подтверждается при получении очередного популярного электронного приглашения на конференцию, вебинар, тренинг или

мастер-класс по развитию тех или иных «навыков»: памяти, мышления, владения иностранным языком, коммуникации, ораторского мастерства, силы, выносливости, гибкости, долгожительства и т. п.

Популярной проблеме сущности и происхождения самоэксплуатации посвящено сегодня множество исследований, конференций и научных дискурсов. Одной из самых значительных в этом направлении является работа 2010 г. «Нематериальное» известного французского мыслителя и журналиста А. Горца, в которой он рассматривает эволюцию труда, капитала и общественных отношений в условиях, как он сам выражается, «когнитивного капитализма» [19]. А. Горц констатирует устранение различий между субъектом и предприятием, между рабочей силой и капиталом, следствием чего есть появление самопредпринимателя. Личность становится предприятием для самой себя, рассматривает себя и как рабочую силу, и как постоянный капитал, требующий непрерывного воспроизводства, модернизации, расширения и утилизации. Так, абсолютно оправданы постоянные инвестиции в собственный «человеческий капитал»: курсы повышения квалификации, оздоровительные мероприятия, тренинги, курсы английского, ментальной математики, пластическую хирургию, в конце концов.

По мнению А. Горца, будущее принадлежит самопредпринимателям. Человек становится фабрикой. Самопродажа распространяется на все области жизни. Даже наемные работники становятся индивидуальными предпринимателями, управляющими своей карьерой, как маленьким предприятием [19]. Это ведет к тому, что человек полностью растворяется в гонке за самоэффективностью. Вся его жизнь превращается в работу, становится самым дорогим капиталом. Человек сбывается на рынке. Как тут не вспомнить о «гедонистическом императиве» Дэвида Пирса [20], если обратной стороной стремления человека к безграничному удовольствию выступает его беспощадная самоэксплуатация. Жажда удовольствия оправдана огромными затратами собственной биофизической энергии, а разумное принуждение требует эмоциональной и тактильной компенсации.

Как считает итальянский философ А. Музио, феномены самопредпринимательства и человеческого капитала являют собой последствия феноменологической революции, стершей грань между временем, посвященным жизни, и временем, посвященным профессии [21]. Время первого типа рассматривается им как потенциально отнятое у успешного самостоятельного предпринимателя – «концепция ограбленного времени». А. Музио дает убедительное обоснование своего негативного отношения к «биотруду», в котором основным предпринимательским ресурсом выступает тело. В качестве примера такого труда философ приводит суррогатное материнство; беременность интерпретируется им как биополитическое событие неолиберализма [21].

В свою очередь, испанский философ А. Виллар, анализируя творчество выдающегося итальянского философа и политика Антонио Негри, известного знатока философии М. Фуко, при этом сам расценивает фигуру самопредпринимателя, представленного в «Рождении биополитики» М. Фуко, как фундаментальный концепт, на основании которого происходят осуществление и понимание процессов субъективации сегодня [22].

В то же время российские ученые Е. Щекотин, А. Барышев и В. Кашпур уделяют внимание практике самопредпринимательства в социальных сетях в погоне за улучшением качества жизни [23]. Представление о качестве жизни формируется в соответствии с персонифицированным образом благополучия под влиянием полученных из Сети впечатлений. Эффект такого влияния получил название «экономика впечатлений», в рамках которой востребованным предметом потребления является уникальный личный опыт. Эффективная эксплуатация и популяризация личного опыта весьма востребованы и достаточны для удовлетворения телесности в ее эмоциональных потребностях. То есть речь идет о повышении качества жизни посредством сетевого самопредпринимательства.

Все теоретические построения нашего исследования разворачиваются вокруг тела, в перформативно-практическом, политическом, трудовом и экономическом пространствах его проявления. Логическим финалом анализа тела и его разносторонних функций становится факт его прагматичной коммодификации как коммерческого ресурса для самого его обладателя. Для современного человека тело – биологический, когнитивный, художественный, производственный материал. Теоретики пишут о «коммодификации рабочего класса», «коммодификации жизненного пространства». На фоне проникновения неолиберальной утопии в массовую культуру вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости. Всякая деятельность и всякое качество – брак, секс, зачатие, здоровье, красота, идентичность, знания, идеи, отношения – должны превратиться в бизнес и стать результатом бизнеса.

Приставка «само-» становится важнейшим требованием к новой форме рабочей силы: самоэкономизация, самоорганизация, самоуправление, самосохранение, самоинтеграция, саморазвитие, самопродажа, самостоятельная ответственность и т. п. Всё это – в сочетании с активным самосбытом посредством перформативных стратегий саморекламы. Господствует логика капитала в категориях рынка. Жизнь – бизнес, человек – капитал. «В будущем все будут торговать», – отмечает А. Горц [19]. По прогнозам неолибералов, в скором времени общество ждет устранение наемного труда и замещение его самопредпринимательством, поскольку вместе с отношением найма исчезнет и безработица (однако не прекарность. – Ю. М.).

Пособие по безработице превратится в пособие на поиск работы, причем под «поиском работы» следует понимать самую что ни на есть усердную работу. Подразумевается, что безработный обязан приобрести знания и навыки, более востребованные на рынке, чем те, которыми он уже обладает. Самосоздание становится такой же *job*, как и любая другая работа. Главная цель такой политики – внушить людям, что они сами виновны в том, что остались безработными или прекариями. Таким образом, размышление о самопредпринимательстве возвращает нас к проблеме прекарности коммодифицированных тел, для которых оптимальным способом созидания и реализации себя в неолиберальной среде тотального рынка становятся перформативные практики самопродажи.

Если российская философ Е. Петровская [24] предлагает отказ от эстетизма и трансцендентности ради акцента на чистой *репрезентации* и демонстрации знака, проблематизируя концепцию художественного изображения, то, в свою очередь, Г. Э. Дебор двадцать семь лет назад в своей книге «Общество спектакля» констатировал исключительную *репрезентативность* в целом визуальной культуры позднего капитализма [25]. Леворадикально настроенный французский философ, художник и историк Г. Э. Дебор подразумевает под «обществом спектакля» современный ему социальный и природный мир, который полностью визуализирован в искусственных образах или спектаклях: «То, что некогда переживалось непосредственно, ныне стало репрезентацией... Жизнь – нагромождение спектаклей» [25]. Понятно, что речь идет о симулятивности культуры 1990-х, однако в данном случае важен политический смысл, который вкладывает в свою концепцию Г. Э. Дебор как радикальный теоретик. Он объясняет поверхностную репрезентативность общества спектакля тем, что капитализм колонизировал и коммодифицировал повседневную жизнь, превратив всё в товар. Быть репрезентированным – означает быть оцененным и проданным.

О способе бытия современного человека. Вернемся к тому, что само значение перформанса – представление, репрезентация, спектакль, демонстрация. «Визуальная культура», получившая свое определение тридцать лет назад, не меняет своих неолиберальных капиталистических основ, а просто отыскивает новые выразительные формы, позволяющие оптимизировать бытие человека под контролем власти.

Креативная зона перформативного действия позволяет выразить концептуальный онтологический принцип современности – разрыв физического и семантического, акта и комментария, действия и речи, тела и телесности. Поэтому перформанс становится незаменимым альтернативным способом самореализации безмолвного тела. В то время как язык остается способом бытия человека как агента информационной среды.

Немой перформатив / перформанс есть закономерное следствие предшествующего засилья семантики в глобальном пространстве самовыражения человека. Демократия, провозгласившая себя реальностью дискурса, прекращает свое существование, как и сам дискурс. Перформанс – это не новый элемент демократии, это конец демократии как пространства равноправия голосов. Биополитика на своем современном этапе рассматривает существование каждой отдельной социальной единицы на принципах самообеспечения и самоокупаемости, автономии и взаимозаменяемости. Сложные, разветвленные институциональные структуры с их фундаментальностью, инертностью и влиятельностью, которые были способны интегрировать, солидаризировать и ориентировать людей, принципиально противоречат современной стратегии биовласти. Поэтому власть активно реформирует все сферы бытия человека, целенаправленно заменяя небезопасный для нее демократический консенсус идентичностей сингулярностью демонстративных актов частных лиц.

Каждый единичный агент перформативной реальности в праве проявить свои требования и инициативы в гораздо большей степени, чем это мог сделать традиционный «служащий» грандиозной институциональной структуры. Однако «проявить» – еще не означает повлиять, добиться желаемого результата. Креативное самовыражение вовсе не гарантирует удовлетворения потребностей. Оно лишь увеличивает шансы на успех в неравной борьбе с «равноправными» конкурентами за свои права. Свободный акционист свободного перформативного рынка сам в ответе перед собой за свои успехи или их отсутствие. Как обыденная воспринимается фигура торговца, привычной стала рыночная логика купли-продажи, экономической целесообразности, окупаемости и ценообразования относительно тех или иных объектов / субъектов.

Постиндустриальный прорыв в экономике сделал фундаментальной сферой занятости торговлю. Неолиберальный капитализм успешно реализовал модель торговли на политическом и правовом поприще. Рынок больше не ассоциируется с наживой, мошенничеством, эгоизмом и иждивенчеством, не возмущает общественного сознания, да и само общественное сознание проблематично. Напротив, рынок – это мир благородного риска, героизма, предприимчивости и возможности быстрого успеха. Рынок, как и сам предприниматель, не может преследовать коллективный интерес, это противоречит либералистской логике рационального индивидуализма. Каждый лоточник на улице теперь суть не просто уязвимый прекарий, но агент перформативного акта и режиссер инсталляции (в значении собственная жизнь).

Постдемократия ознаменовала конец созидательно-производственной эры, отлучив человека от творчества, от труда в дарвиновском смысле этого слова. Устранившись от создания вещей, человек избрал функцию распоряжения и оперирования вещами: контроль, управление, демонстрация, купля-про-

дажа. Роль творця излишне сакральна. Менеджер же не проникает в глубину объектов, которыми распоряжается, не демонстрируя в то же время и собственной глубины. В перформативном акте, организованном в технике реди-мейд, сами субъекты настолько поверхностно-функциональны, что приближаются к объектам. Само формальное событие изменило смысл: из акта-творения на акт-модуляцию.

Для выгодной самопродажи человек использует особую логику, буквально математическую логику двоичной системы исчисления, построенную на бинарных алгоритмах: «правда» – «ложь», «есть» – «нет», «и» – «или», «1» – «0». В ней нет места интуиции, оценке, творчеству. Если человек будет руководствоваться только этой логикой, ожидание «очеловечивания» Искусственного Интеллекта абсолютно закономерно, поскольку дистанция между ИИ и человеческим сознанием значительно сокращается. Человеку-менеджеру для успешной самореализации вполне хватает контакта с компьютером. Человеческая логика не наталкивается при этом на противоречия; большинство отраслей не исключают продуктивную деятельность в дистанционном режиме. Качественно не страдает онлайн-управление ресурсами, товарами, информацией, людьми и финансами.

В связи с этим игры биополитиков в форме пандемии и серии локдаунов окончательно девальвируют ценность продуктов духовного творчества, которые еще присутствуют в таких сферах, как литература, театр, балет, прикладное искусство, архитектура, агрономия, промышленность, образование, воспитание. Деятельность в этих сферах предполагает нелогичное, чувственное, сентиментальное, интимное взаимоотношение между людьми, или автором и его творением. К примеру, педагогический процесс не может удовлетворять своим критериям в том случае, если осуществляется вне живого, эмоционального, энергетического контакта ученика с наставником. Так, в жестких условиях антигуманных биополитических ограничений человек окончательно отстраняется от духовной идентичности, а ключевым основанием его антропности, субъектности и правового статуса становятся его соматические особенности и потребности.

Наблюдающаяся дегуманизация не угрожает лишь работе IT-сферы, масс-медиа, финансовой сферы и сферы власти. Здесь человек-менеджер продолжает действовать полноценно, не прибегая к духовно-ментальной стороне своей натуры. Управленческая деятельность и ее результаты нисколько не ущемлены господством примитивных алгоритмов осуществления. Потенциальная онлайн-пассивность объектов власти является идеальным условием для успешного распоряжения ими; это условие обеспечила современная биополитика тотального карантина, изоляции и сингулярных локаций. Перегрузка социальных связей привела к радикальным структурным последстви-

ям, расщеплению социального тела на единичные, самостоятельные, но взаимообусловленные в своем существовании, ведомые «субъекты-объекты».

Угроза чрезмерной «объективации», «овеществления» духовного индивида, или попросту проблема дегуманизации, неоднократно озвучивалась многими исследователями и на предыдущих этапах. К примеру, Р. Барт в середине прошлого века заявил о появлении «человека-вещи» или «человека-снаряда», феномен которого обусловлен техническим ажиотажем, в частности развитием реактивной авиации [26, с. 136–138]. Французский структуралист писал о человеке-снаряде (*Jet-man*'e) как об очередном новейшем мифе о вымышленной расе небожителей – пилотах реактивных самолетов. Парадокс в том, что в мифологии *Jet-man*'а устранена сама скорость полета, точнее, она воспринимается не в пространственно-временных физических показателях, а через телесность. Полет, по словам Р. Барта, – это уже не зрительное восприятие точек и поверхностей, но лишь некое соматическое расстройство при наборе высоты (судороги, тошнота, головокружение, давление и обмороки). Человек переживает кризис без движения [26, с. 136]. Сверхвысокая скорость оборачивается покоем, чистой пассивностью, и философ находит это приметой современности. Исключительно телесное переживание другой реальности подобно эффекту, получаемому в современных очках или шлемах виртуальной реальности; разница лишь в том, что очки VR симулируют полет, в то время как реактивный полет симулирует покой.

«Классический герой скорости» совершал эпизодический подвиг, требующий смелости, не переставая при этом быть просто человеком (писательство Сент-Экзюпери, Баха, Даля, Линдберга). *Jet-man*'у же как будто не ведомы ни приключения, ни судьба; у него есть один лишь определенный удел, и то, скорее, антропологический, чем собственно человеческий [26, с. 137]. Сакральный образ *Jet-man*'а полностью лишен романтико-индивидуалистических характеристик. Самим своим именем он отсылает к чистой пассивности, ибо «что может быть более инертно и несамостоятельно, чем метательный снаряд? ... Человек-снаряд – это герой, превращенный в вещь» [26, с. 138].

Бартовский дискурс об утрате героизма и гуманизма уже в XX в. актуализирует онтологию тела и телесности агента события. Сегодня максимальная мобильность, динамизм и вирт превращают субъекта в «человека-вещь» – пассивное орудие в руках биовласти. Возможность симуляции непрерывного движения обеспечивает в сознании каждого индивида убедительную иллюзию свободы, полноправия и реализованности. Цифровые возможности моментального дистанционного доступа до информации, знаний, ресурсов, товаров, услуг и финансов создают у человека ощущение абсолютной вседозволенности и безграничной возможности для самореализации. При этом реальная зависимость человека от технологий намного превышает обратную зависи-

мость технологий от человека, а также поднимает важную проблему расщепления бытия на дискурсивное бытие телесности в информационной реальности и физическое бытие тела в событии жизни. Вполне достаточно старой доброй постмодернистской деконструкции, чтобы развести эти два онтологические измерения – две локации: присутствие и наличие. «Присутствовать» можно и виртуально, это гарантировано сознанием, в то время как «наличие», уже лишенное семантической оболочки, возможно лишь посредством участия тела как такового. С наличия начинается перформанс.

Метамодернистские реалии дистанцируют *бытие-в-значении*, как семантическую натуру в информационной среде обитания, и *бытие-в-теле*, как биологическую натуру в объективном мире. Вытесненное на второй план тело начинает яростно бороться за свое существование, однако лишенное голоса остается немим актером глобального перформанса. Сообщество участников этого перформативного альянса тем не менее не является коллективом. «Безголосые» агенты социальных перформативных актов отстаивают у власти свои широкие права, которые не в силах осуществить, подобно людям с альтернативными возможностями. Фактический парадокс: трансгуманистический прогноз обещает человеку стремительное расширение его физиологических способностей (памяти, мышления, психики, восприятия, выносливости) [27, с. 120–122], а также юридических прав, легализующих эти способности, и в то же самое время трансчеловек обретает признаки «инвалидности». Это объясняется неполноценностью антропологии «усовершенствованного» человека, у которого в новых цифровых условиях обитания, обеспеченных трансгуманистической биополитикой, происходит вынужденное переключение «режимов действия» с «аудио» на «видео», с нарративной культуры на визуальную. Расширение средств и возможностей коммуникации еще не означает их синхронизацию и одновременную доступность. В современных политико-правовых реалиях речь и перформанс выступают альтернативными практиками самореализации и взаимодействия людей и потому не гарантируют фактической эволюции и могущества постчеловека, но, скорее, угрожают ему односторонностью, ущербностью и деградацией.

Выводы. Актуальная тенденция возрождения тела (незаурядного конкурента телесности) привела к радикальным перезагрузкам онтологических принципов, ценностных приоритетов, гуманистических ориентиров, правозащитных теорий, а также социально-политических и художественных практик самореализации современного человека. Семантический символизм отошел вместе с постмодернистской коммуникативной парадигмой. На смену нарративу и дискурсу пришли перформативное искусство действия и сетевой челлендж. Борьба тела за свою значимость нашла выражение в раз-

нообразии соматических прав человека, этике трансгуманизма, широком спектре жанров акционистского творчества, гражданских флешмобах и монстрациях, формах вирт-самовыражения. Однако все отчаянные усилия позиционировать тело лишь подтверждают ущербность статуса субъекта новейшего времени, избравшего неолиберальный путь к совершенствованию в трансгуманистических и биополитических стандартах, который парадоксальным образом приводит его к диктатуре мировой власти. Бессловесные инсталляции, социомобы и челленджи – это не инновационный элемент политического либерализма, это – «красноречивое» немое свидетельство конца демократии как творчества людей в сфере власти. Перформативные практики в политике, праве, экономике, образовании, искусстве – это манифестация отчаяния, воли, желания, протеста и немощи человека, безмолвный жест бесправия, зависимости и неприкаянности уязвимого агента позднего капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. 168 с.
2. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. Москва : Play & Play : Канон-плюс, 2015. 374 с.
3. Мелякова Ю., Коваленко И. Семиотика жеста: перформативный концептуализм. *Вісник Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія*. 2021. № 2 (49). С. 40–65.
4. Фуко М. Рождение биополитики / пер. с фр. А. В. Дьякова. Санкт-Петербург : Наука, 2010. 448 с.
5. Picazo P. G. Biopolitics of the world system: some reflections about its pathological drifts. *Revista electronica de estudios internacionales*. 2019. Vol. 37. P. 1–27.
6. Hanif M. and Madadzadeh M. Foucault's Biopower and E. M. Forster's a passage to India. *Aisthesis: Pratiche Linguaggi e saperi dell estetico*. 2020. Vol. 13, Issue 1. P. 101–114.
7. Переслегин С. «В известной мере все кончено». О том, как COVID-19 похоронил одну цивилизацию и построил другую. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/01/07/69670446/> (дата обращения: 07.01.2021).
8. Жижек С. Коронавирус – путь к коммунизму. URL: <https://www.liva.com.ua/koronavirus-put-k-kommunizmu.html> (дата обращения: 25.03.2020).
9. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. Москва : Ad Marginem Press, 2018. 248 с.
10. Коваленко І. І., Мелякова Ю. В., Кальницький Е. А. Феномен тілесності в перформативній парадигмі: від зібрання до проблематизації політичного. *Вісник Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія*. 2020. № 1 (44). С. 86–119.

11. Aripova F., Johnson J. E. The Ukrainian Russian virtual flashmob against sexual assault. *Journal of Social Policy Studies*. 2018. Vol. 16, Issue 3. P. 487–500.
12. Rebolledo O. A. The phenomenon of the precariat in Chile and the human resource management (HRM). *Revista Gestion de las Personas y Tecnologia*. 2020. Vol. 13, Issue 38. P. 35–47.
13. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. URL: <https://e-libra.ru/read/508982-prekariat-novyy-opasnyy-klass.html> (дата обращения: 08.12.2019).
14. Greenstein J. The Precariat class structure and income inequality among US workers: 1980–2018. *Review of Radical Political Economics*. 2020. Vol. 52, Issue 3. P. 447–469.
15. Munck R. Work and capitalist globalization: Beyond dualist reason. *Review of Radical Political Economics*. 2020. Vol. 52, Issue 3. P. 371–386.
16. Milkman R. Immigrant labor and the new precariat. Cambridge : Polity, 2020. URL: <https://www.amazon.com/Immigrant-Labor-Precariat-Immigration-Society/dp/0745692028?asin=0745692028&revisionId=&format=4&depth=1> (дата обращения: 29.05.2021).
17. Khenkin S. M. Spain: Modern trends of mass protest. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2020. Vol. 64, Issue 9. P. 73–82.
18. Holmberg A. and Alvinus A. Children as a new climate precariat: A conceptual proposition. *Current Sociology*. 2021. January 4. P. 1–17.
19. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость, капитал. 2010. URL: <https://finbook.news/book-kapital/nematerialnoe-znanie-stoimost.html> (дата обращения: 30.05.2021).
20. Пирс Д. Гедонистический императив / пер. с англ. Александра Баженова. 2015. URL: https://vk.com/doc35110420_529542453 (дата обращения: 15.03.2020).
21. Musio A. Human capital and self-entrepreneurship. The concept of robbed time. *Cuadernos de Bioetica*. 2018. Vol. 29, Issue 96. P. 193–201.
22. Villar A. G. The entrepreneur of himself: what Antonio Negri missed. *Daimon Revista Internacional de Filosofia*. 2017. Issue 71. P. 63–79.
23. Щекотин Е. В., Барышев А. А., Кашпур В. В. Самопредпринимательство и социальные сети: персонализация имиджей благополучия в цифровую эпоху. *Наука и технологии XXI века: возможности и риски* : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 23 нояб. 2017 г. Костанай : Изд-во ООО НИЦ «Антровита», 2017. С. 47–52.
24. Petrovsky H. V. Thinkin in Images. From the icon to dynamic sign. *Problems of Philosophy*. 2018. Issue 11. P. 57–64.
25. Дебор Г. Э. Общество Спектакля. URL: https://royallib.com/book/debor_gi/obshchestvo_spektaklya.html (дата обращения: 16.06.2021).
26. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Н. Зенкина. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 314 с.
27. Сучасне суспільство, людина, право в умовах глобальних трансформацій : монографія / О. Г. Данильян, О. П. Дзьобань, С. Б. Жданенко та ін. ; за ред. О. Г. Данильяна. Харків : Право, 2020. 344 с.

REFERENCES

1. Batler, Dzh. (2002). Psihika vlasti: teorii sub'ekcii. Sankt-Peterburg: Aletei'ja [in Russian].
2. Fisher-Lihte, E. (2015). Estetika performativnosti. Moskva: Play & Play; Kanon-pljus [in Russian].
3. Meljakova, Ju., Kovalenko, I. (2021). Semiotika zhesta: performativnyi konceptualizm. *Visnyk Nacional'nogo yurydychnogo universytetu imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya: Filosofiya, № 2(49), 40–65* [in Russian].
4. Fuko, M. (2010). Rozhdenie biopolitiki. Sankt-Peterburg: Nauka [in Russian].
5. Picazo, P. G. (2019). Biopolitics of the world system: some reflections about its pathological drifts. *Revista electronica de estudios internacionales, Vol. 37, 1–27*.
6. Hanif, M. and Madadzadeh, M. (2020). Foucault's Biopower and E. M. Forster's a passage to India. *Aisthesis: Pratiche Linguaggi e saperi dell estetico, Vol. 13, Issue 1, 101–114*.
7. Pereslegin, S. (2021). «V izvestnoj mere vsjo koncheno». O tom, kak COVID-19 pohoronil odnu civilizaciju i postroil druguju. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/01/07/69670446/> [in Russian].
8. Zhizhek, S. (2020). Koronavirus – put' k kommunizmu. URL: <https://www.liva.com.ua/koronavirus-put-k-kommunizmu.html> [in Russian].
9. Batler, Dzh. (2018). Zametki k performativnoj teorii sobranija. Moskva: Ad Marginem Press [in Russian].
10. Kovalenko, I. I., Melyakova, Yu. V., Kal'nytskyi, E. A. (2020). Fenomen tilesnosti v performatyvnyj paradygmi: vid zibrannya do problematyzaciyi politychnogo. *Visnyk Nacional'nogo yurydychnogo universytetu imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya: Filosofiya, № 1(44), 86–119* [in Ukrainian].
11. Aripova, F., Johnson, J. E. (2018). The Ukrainian Russian virtual flashmob against sexual assault. *Journal of Social Policy Studies, Vol. 16, Issue 3, 487–500*.
12. Rebolledo, O. A. (2020). The phenomenon of the precariat in Chile and the human resource management (HRM). *Revista Gestion de las Personas y Tecnologia, Vol. 13, Issue 38, 35–47*.
13. Stending, G. (2019). Prekariat: novyj opasnyj klass. URL: <https://e-libra.ru/read/508982-prekariat-novyj-opasnyj-klass.html> [in Russian].
14. Greenstein, J. (2020). The Precariat class structure and income inequality among US workers: 1980–2018. *Review of Radical Political Economics, Vol. 52, Issue 3, 447–469*.
15. Munck, R. (2020). Work and capitalist globalization: Beyond dualist reason. *Review of Radical Political Economics, Vol. 52, Issue 3, 371–386*.
16. Milkman, R. (2020). Immigrant labor and the new precariat. Cambridge: Polity. URL: <https://www.amazon.com/Immigrant-Labor-Precariat-Immigration-Society/dp/0745692028?asin=0745692028&revisionId=&format=4&depth=1>.
17. Khenkin, S. M. (2020). Spain: Modern trends of mass protest. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya, Vol. 64, Issue 9, 73–82*.

18. Holmberg, A. and Alvinus, A. (2021). Children as a new climate precariat: A conceptual proposition. *Current Sociology*, January 4, 1–17.
19. Gorc, A. (2010). Nematerial'noe. Znanie, stoimost', kapital. URL: <https://finbook.news/book-kapital/nematerialnoe-znanie-stoimost.html> [in Russian].
20. Pirs, D. (2015). Gedonisticheskij imperative. URL: https://vk.com/doc35110420_529542453 [in Russian].
21. Musio, A. (2018). Human capital and self-entrepreneurship. The concept of robbed time. *Cuadernos de Bioetica*, Vol. 29, Issue 96, 193–201.
22. Villar, A. G. (2017). The entrepreneur of himself: what Antonio Negri missed. *Daimon Revista Internacional de Filosofia*, Issue 71, 63–79.
23. Schekotin, E. V., Baryshev, A. A., Kashpur, V. V. (2017). Samopredprinimatel'stvo i social'nye seti: personalizacija imidzhej blagopoluchija v cifrovuju jepohu. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Nauka i tehnologii XXI veka: vozmozhnosti i riski»*, 23 nojabrja. Kostanaj: Izdatel'stvo OOO NIC «Antrovita», 47–52.
24. Petrovsky, H. V. (2018). Thinkin in Images. From the icon to dynamic sign. *Problems of Philosophy*, Issue 11, 57–64.
25. Debor, G. E. (1994). Obschestvo Spektaklja. URL: https://royallib.com/book/debor_gi/obshchestvo_spektaklja.html [in Russian].
26. Bart, R. (2000). Mifologii. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh [in Russian].
27. Suchasne suspil'stvo, lyudyna, pravo v umovakh global'nykh transformacij: monografiya. (2020). / Danyl'yan, O. G., Dz'oban', O. P., Zhdanenko, S. B. ta in. Kharkiv: Pravo [in Ukrainian].

Мелякова Юлія Василівна, кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії, Національний юридичний університет
імені Ярослава Мудрого, м. Харків, Україна

Жданенко Світлана Борисівна, кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії, Національний юридичний університет
імені Ярослава Мудрого, м. Харків, Україна

Кальницький Едуард Анатолійович, кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії, Національний юридичний університет
імені Ярослава Мудрого, м. Харків, Україна

ВІД БІОПОЛІТИКИ ДО ПРЕКАРНОСТІ КОМОДИФІКОВАНИХ ТІЛ, АБО АПОГЕЙ ПЕРФОРМАНСУ

Стаття являє собою філософське дослідження соціального, політичного, правового, трудового, культурного та антропологічного статусу людини в сучасних умовах інформатизації, економічного лібералізму, обмеженої зайнятості, постде-

мократії, візуальної культури і пандемії. Зростання прекаріату розцінюється як каталізатор руху зустрічних векторів: діяльності влади та перформативного акціонізму політичних суб'єктів. Як оптимальна інтегративна тактика людини пізнього капіталізму розглядається її тілесна і духовна самоексплуатація.

Ключові слова: біополітика, неолібералізм, тіло, перформативність, прекарність, самопідприємництво, комодифікація.

Meliakova Yuliia Vasylivna, PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy Department,
Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

Zhdanenko Svitlana Borysivna, PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy Department,
Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

Kal'nitskij Eduard Anatoliiovych, PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy Department,
Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

FROM BIOPOLITICS TO THE PRECARIETY OF COMMODIFIED BODIES, OR THE APOGUE OF PERFORMANCE

The article presents a philosophical study of the social, political, legal, labor, cultural and anthropological status of a person in modern conditions of informatization, economic liberalism, limited employment, post-democracy, visual culture and a pandemic. The growth of the precariat is regarded as a catalyst for the movement of opposite vectors: the activities of the power and the performative actionism of political subjects. As the optimal integrative tactics of a person of late capitalism, his bodily and spiritual self-exploitation is considered.

Keywords: biopolitics, neoliberalism, body, performativity, precarity, self-entrepreneurship, commodification.

